

Эвиденциальный перфект в шугнанском языке

© 2023

Максим Глебович Меленченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; maksmerben@gmail.com

Аннотация: В статье с семантической точки зрения рассматривается одна из видовременных форм шугнанского языка, традиционно именуемая перфектом. Эта форма имеет много ареально-типологических сходств с перфектами в других языках Западной и Центральной Азии. В частности, шугнанский развил эвиденциальное противопоставление между претеритом и перфектом, в котором перфект используется для незасвидетельствованных событий. Он также выражает экспериенциальную и ирреальную семантику. Выделяется небольшой класс «стативно-перфектных» глаголов, у которых форма перфекта выражает состояние в настоящем. Кроме того, в статье анализируются «миративные» употребления глагола ‘быть’ в форме перфекта, а также употребление перфектных форм в нарративах.

Ключевые слова: время, иранские языки, миравитивность, памирские языки, перфект, шугнанский язык, эвиденциальность

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2023 г. Автор выражает глубокую благодарность Сильвии Лураги, С. К. Михайлову, В. А. Плунгяну, К. В. Филатову и Д. Г. Чистяковой за ценные советы, комментарии и обсуждения, а также всем шугнанским консультантам, в особенности Мадине Ардабаевой и Амригул Шоназаровой.

Для цитирования: Меленченко М. Г. Эвиденциальный перфект в шугнанском языке. *Вопросы языкознания*, 2023, 6: 120–137.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137

Evidential Perfect in Shughni

Maksim G. Melenchenko

HSE University, Moscow, Russia; maksmerben@gmail.com

Abstract: This paper describes the semantics of one of the verb forms in Shughni, traditionally called Perfect. This form displays many areally-motivated typological similarities with perfects in other languages of Western and Central Asia. In particular, Shughni has developed an evidential opposition between the Preterite and the Perfect, in which the Perfect is used for non-witnessed events. It is also used to express experiential and irreal semantics. A small class of “stative-perfect” verbs is distinguished, for which the Perfect form expresses a state in the present. In addition, the article analyzes so-called “mirative” uses of the Perfect of the copula, as well as the use of Perfect forms in narratives.

Keywords: evidentiality, Iranian, mirativity, Pamir area, perfect, Shughni, tense

Acknowledgements: The paper was prepared in the course of research (Project No. 22-00-034) under the Research Foundation Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2023. The author is indebted to Silvia Luraghi, Stepan Mikhailov, Vladimir Plungian, Konstantin Filatov, and Daria Chistiakova for their invaluable comments and advice, as well as to all Shughni consultants, especially Madina Ardabaeva and Amrigul Shonazarova.

For citation: Melenchenko M. G. Evidential Perfect in Shughni. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 6: 120–137.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.120-137

1. Введение

Перфект — глагольная категория, с трудом поддающаяся единообразной типологической характеристике. Для европейских языков его семантика традиционно описывается в терминах понятий «**результат**» или «**текущая релевантность**» [Comrie 1976: 52–65]. Кроме того, одним из наиболее частотных значений, выражаемых перфектами, является **экспериментальность** — указание на опыт в прошлом без привязки к конкретному событию [Bybee, Dahl 1989: 67]. Так, в посвященной перфектам главе во Всемирном атласе языковых структур (WALS) перфектами считаются только те формы, которые имеют и значение результата, и экспериментальное значение [Dahl, Velupillai 2013].

У языков Западной и Центральной Азии, включая многие иранские и тюркские языки, а также языки Кавказа, одним из наиболее частотных значений перфекта зачастую является **непрямая эвиденциальность** [Lazard 1999: 93; Lindstedt 2000: 375]. Этот ареал также известен как Большой эвиденциальный пояс [Плунгян 2016: 14–15]. Известно, что перфекты часто развиваются из результативных причастий [Bybee et al. 1994: 68–69; Lindstedt 2000: 367–373], однако они характеризуются диахронической нестабильностью и поэтому сами легко подвергаются семантическому сдвигу. Они могут заменить обычное прошедшее время — этот известный феномен называют «аористическим сдвигом» — или же приобрести те самые эвиденциальные значения и постепенно грамматикализоваться в специализированный показатель эвиденциальности [Bybee et al. 1994: 95–97]. По-видимому, в первую очередь перфект начинает использоваться для фактов, которые говорящий устанавливает путем логического вывода («инферентив»), а уже потом может расширяться до событий, о которых он узнает от другого человека («репортатив»). По мнению С. Ферхеес [Verhees 2019: 78], семантический сдвиг в сторону эвиденциальности вызван сменой направления каузальной имплицатуры, присущей результату: если имеется видимый результат, то ему должно соответствовать событие в прошлом. Так по результату человек достраивает картину прошлого, которое он не наблюдал, — это и есть инферентивное значение.

Настоящая статья представляет собой описание семантики перфекта в шугнанском языке, принадлежащем к шугнано-рушанской подгруппе внутри восточноиранских языков. Шугнанский также включается в памирские языки — ареальное объединение внутри восточноиранской группы. На нем говорит около 90 000 человек в Таджикистане и Афганистане [Edelman, Dodykhudoeva 2009: 787–788]. Как и многие другие иранские языки, шугнанский развил способ выражения эвиденциального статуса событий в прошлом с помощью видовременных форм глагола. В основном форма перфекта используется для выражения незасвидетельствованных событий, в то время как для выражения засвидетельствованных событий используется претерит. В статье описываются особенности употребления шугнанского перфекта. Используемые данные получены преимущественно от носителей шугнанского в г. Хорог (Таджикистан) и Москве в 2022–2023 гг., также использовались данные из корпуса шугнанского языка¹ и электронной версии [Makarov et al. 2022] словаря Д. К. Карамшоева [1988].

В разделе 2 описывается глагольная система шугнанского языка. В разделе 3 детально рассматривается семантика шугнанского перфекта. Собранный материал показывает, что основным значением перфекта является эвиденциальность (подраздел 3.1). При этом он также имеет экспериментальные (подраздел 3.2) и контрфактические употребления

¹ Корпус доступен по ссылке: https://linghub.ru/shughni_corpus/search. Подробнее о корпусе см. в работе [Makarov et al. 2022]. На момент проведения исследования в корпусе содержалось 72 текста общим объемом более 55 000 словоформ. Для анализа нарративов использовались 18 нарративов из корпуса — это сказки и истории из письменных источников (13), устные тексты, записанные в экспедициях, (4) и фрагменты перевода Евангелия от Луки.

(подраздел 3.5), а для небольшого числа глаголов имеет только результативно-стативное значение (подраздел 3.3). В подразделе 3.4 обсуждаются особые употребления глагола бытия в форме перфекта, а в подразделе 3.6 — использование перфекта в нарративах. В разделе 4 делаются выводы и обобщения.

2. Глагольная система шугнанского языка

Шугнанский язык обладает сравнительно простой видо-временной системой, в которой выделяются три основных формы: презенс (также непрошедшее или настоящее-будущее), претерит (или прошедшее) и перфект. Есть, кроме того, нефинитные, неиндикативные, а также образованные от основных формы (плюсquamперфект, императив, инфинитивы и различные причастия). Все эти формы синтетические; аналитические глагольные формы в шугнанском обычно не выделяются². Глаголы имеют три основы, которые различают разные формы — презенс, претерит и перфект. Основы претерита и перфекта образуются от основы презенса с помощью специальных суффиксов; при этом у многих глаголов все три основы также различаются нерегулярными чередованиями в корне. У многих глаголов в претерите и перфекте различаются две основы: для мужского рода единственного числа и для женского рода или множественного числа. Основа претерита всегда маркируется суффиксом *-t / -d*, а перфектная основа маркируется суффиксом *-c / -z* для формы женского рода или множественного числа, а во всех остальных случаях (в мужском роде или когда род и число не различаются) используется суффикс *-č / -j*. Кроме того, у многих глаголов имеется особая форма для 3 л. ед. ч. презенса. См. таблицу 1.

Таблица 1

Основные формы четырех шугнанских глаголов³

Лемма		‘бросить’	‘дать’	‘быть’	‘уйти’
Основа презенса [NPST]	основная		<i>ḍāḍ-</i>		<i>tī-</i>
	3SG	<i>pitêw-</i>	<i>ḍī-</i>	<i>vi-</i>	<i>tîz-</i>
Основа претерита [PST]	M.SG			<i>vu-d</i>	<i>tîy-d</i>
	F.SG / PL	<i>pitêw-d</i>	<i>ḍo-d</i>	<i>va-d</i>	<i>toy-d</i>
Основа перфекта [PF]	M.SG			<i>vuḍ-j</i>	<i>tîy-j</i>
	F.SG / PL	<i>pitêw-j</i>	<i>ḍoḍ-j</i>	<i>vi-c</i>	<i>tî-c</i>

В форме презенса глаголы согласуются с субъектом клаузы с помощью лично-числовых окончаний (1). В претерите и перфекте основа используется без окончаний, но глагол согласуется с субъектом с помощью лично-числовых энклитик, которые обычно присоединяются к первой именной группе клаузы⁴ (2); эти же энклитики используются с именными предикатами (24) (см. [Чистякова 2022: 83]). Лично-числовые суффиксы и энклитики перечислены в Таблице 2.

² Имеется ряд аналитических конструкций — например, две конструкции с инцептивным значением [Parker 2023: 352], — но традиционно они не включаются в глагольную парадигму.

³ Примеры из шугнанского и близкородственного ему бартангского приводятся в рабочей латинской транскрипции, примеры из других языков — в орфографиях, используемых в соответствующих источниках.

⁴ Показатель 3 л. ед. ч. *=i* используется только при переходных и псевдопереходных глаголах (впрочем, и там он факультативен) [Чистякова 2022: 72–73].

Таблица 2

Шугнанские лично-числовые показатели

	1sg	2sg	3sg	1pl	2pl	3pl
Лично-числовые окончания глагола в презенсе	-um	-i	-t / -d	-ām	-et	-en
Лично-числовые энклитики, использующиеся с претеритом и перфектом	=um	=at	=i / =∅	=ām	=et	=en

- (1) *Yā ar rūz kitob ǰoy-d.*
D3.F.SG каждый день книга читать-NPST.3SG
‘Она **читает** книгу каждый день’.

- (2) *Yā=yi wam kitob ǰēy-ǰ.*
D3.F.SG=3SG D3.F.SG.O книга читать-PF
‘[Я вижу, что закладка лежит в самом конце книги:] Она **прочитала** эту книгу’.

От основы перфекта с помощью суффикса *-at* регулярно образуется форма плюсквам-перфекта, при этом лицо и число выражается так же, как и в перфекте — энклитиками. В современном языке плюсквамперфект не употребляется в прототипическом для этой категории значении предшествования в прошлом и сохранил исключительно модальные употребления (3).

- (3) *Koṣga=yām māš yak-ǰo zindagi ǰūǰ-ǰ-at!*
если.бы=1PL PRON.1PL один-место жизнь делать-PF-PQP
‘Вот бы мы **жили** вместе!’

Кроме того, от основы перфекта образуются два причастия: результативное с суффиксом *-in* (4) и пассивное с суффиксом *-ak* (5) [Edelman, Dodykhudoeva 2009: 798–799, 814].

- (4) *⟨...⟩ Yūd-and yik dis niviš-ǰ-in: ⟨...⟩.*
D1-LOC INT2 такой писать-PF-PTCP1
‘⟨И сказал им:⟩ так **написано**, ⟨и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день⟩’ (Лк. 24:46).

- (5) *Wāḍ=en tu-rd ḍoḍ-ǰ-ak sa-t.*
D3.PL=3PL PRON.2SG-LAT дать-PF-PTCP2 стать.F/PL-PST
‘Они [уже] **даны** тебе’. [Карамшоев 1988]

С диахронической точки зрения основы претерита с суффиксом *-t / -d* восходят к древнеиранским причастиям на **-ta*, **-tī* [Додыхудоев 1988: 77]. Они превратились в «простое» прошедшее время и, в свою очередь, послужили основами для развития вторичных причастий, которые превратились в современный перфект. Показатели перфекта *-ǰ / -ǰi* и *-c / -z* происходят от суффиксов **-ka* и **-čī*, которые образовывали эти вторичные причастия [Пахалина 1989: 193–203; Jügel 2020: 290–291]. По предположению Д. И. Эдельман [1975: 358–372], формы, соответствующие современному претериту, могли функционировать как перфекты — до тех пор, пока появление вторичных причастий на **-ka* не вытеснило их в сферу «простого» прошедшего. Древнеиранские причастия, вероятно, прошли через «перфектный цикл», в котором процесс развития перфекта и последующий «аористический сдвиг» повторяются несколько раз [Плунгян 2016: 24]. Таким образом, с точки зрения происхождения шугнанский перфект весьма типичен — он образовался из результативного причастия. Вместе с тем, среди многих других перфектов Большого эвиденциального пояса он выделяется тем, что не задействует связку (глагол

бытия)⁵ — а, например, в таких языках, как таджикский, болгарский или багвалинский, перфекты в разной степени ее задействуют. Однако исторически, по-видимому, перфект имел по крайней мере нулевую связку. Это косвенно подтверждается устройством формы плюсквамперфекта в шугнано-рушанских языках, которая происходит из сочетания перфекта и глагола ‘быть’ в форме претерита. Например, в близкородственном бартангском языке плюсквамперфект сохранился именно в таком виде: *az=um su-č vu-d* (PRON.1SG=1SG идти-РФ.М быть.М-РСТ) ‘я ходил’, однако в шугнанском формы *vud / vad* превратились в суффикс *-at*: *uz=um sud-č-at* (PRON.1SG=1SG идти-РФ.М-РФР) ‘я ходил бы’ [Додыхудоева 1988: 76]. Таким образом они стали синтетическими формами, не встраивающимися в парадигму относительно презенса и претерита.

Семантика видо-временных форм шугнанского языка до недавнего времени была описана сравнительно слабо. Существующие грамматики и очерки не отличаются разнообразием мнений и формулировок по этой теме. Известно, что презенс используется для описания событий в настоящем и будущем (для референции к будущему часто используется энклитика *=ta* [Parker 2023: 337–342]). Две формы — претерит и перфект — используются для описания событий в прошлом. Претерит в научных работах обычно описывается как «стандартное» прошедшее, не маркированное ни по аспекту, ни по эвиденциальному статусу [Карамшоев 1963: 154; Эдельман 1975: 370; Edelman, Dodykhudoeva 2009: 806] (исключение составляет новая грамматика [Parker 2023: 346]). Перфект, с другой стороны, обычно считается формой с более специфической семантикой. Пять источников единогласно приписывают ему два значения: одно традиционное для перфекта («наличный результат», «текущая релевантность»), а другое — эвиденциальное (иногда подразделяющееся на инферентив и репортатив) [Карамшоев 1963: 161–162; Пахалина 1969: 39; Эдельман 1975: 370; Бахтибеков 1979: 42–43; Edelman, Dodykhudoeva 2009: 806]. Значение характеристик типа «результат» и «текущая релевантность», используемых в этих работах, не вполне ясно. На мой взгляд, вполне вероятно, что на эти описания влияли представления их авторов о том, какие значения перфекты выражают в других языках (в том числе в других иранских). Никакие другие «перфектные» значения, встречающиеся в типологической литературе, в этих источниках не упоминаются.

3. Семантика шугнанского перфекта

3.1. Эвиденциальность

Для большинства глаголов перфект, по-видимому, является в первую очередь «эвиденциальным» прошедшим временем. Претерит используется в контекстах прямой засвидетельствованности (6), в то время как перфект используется в инферентивных (7) и репортативных (8) контекстах. Важно отметить, что в примерах (7) и (8) использование формы претерита носители считают некорректным. Это показывает, что претерит все же маркирован по эвиденциальному статусу события и выражает только прямой доступ говорящего к информации, а перфект выражает косвенный доступ говорящего к информации (инферентивный или репортативный).

⁵ Впрочем, как справедливо заметил редактор выпуска О. И. Беляев, лично-числовые клитики можно считать связками, хотя этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

- (6) *Uz=um tar maktab toq #virux-č / virux-t, <...>.*
 PRON.1SG=1SG EQ школа окно ломать-PF / ломать-PST
 ‘Я **разбил** окно в спортзале <и теперь моих родителей вызывают в школу>’⁶.
- (7) *Ar čāy ca az dev talabā-yen=en toq virux-č / #virux-t.*
 каждый кто SUBD EL D2.PL.O ученик-PL=3PL окно ломать-PF / ломать-PST
 ‘[Учительница слышит звук, заходит в спортзал, видит разбитое стекло и идет в кабинет директора, чтобы сообщить:] Один из этих учеников **разбил** окно’.
- (8) *Yu=yi tar maktab xeyxā virux-č / #virux-t.*
 D3.M.SG=3SG EQ школа стекло ломать-PF / ломать-PST
 ‘[Учительница звонит матери подростка и сообщает, что ее сын разбил окно в школе. Положив трубку, мать говорит своему мужу:] Он **разбил** окно в школе’.

По-видимому, претерит и перфект противопоставляют по эвиденциальному статусу не только предельные (7)–(8), но и неопределенные глаголы, что показывают примеры (9) и (10):

- (9) *Uz=um to vegā-yec tar dargo re-d.*
 PRON.1SG=1SG LIM1 вечер-LIM2 EQ двор оставаться-PST
 ‘[Я забыла ключи от дома.] Я **простояла** у дома до вечера’.
- (10) *Yam du soat tar dargo red-ŷ.*
 D1.SG два час EQ двор оставаться-PF
 ‘[Он забыл ключи от дома. Как он рассказал мне,] он **простоял** у дома два часа’.

Некоторые носители шугнанского сами предлагали объяснения разницы в семантике форм претерита и перфекта. Многие говорили, что форма перфекта используется в случаях, когда говорящий не был свидетелем события. В некоторых случаях предлагались другие ситуативные объяснения: лицо субъекта, уверенность/сомнение говорящего в произошедшем и удаленность события во времени. Однако все эти эффекты на самом деле являются лишь коррелятами эвиденциальности, а не самостоятельными факторами, влияющими на употребление форм. Например, объяснение через лицо субъекта связано с известным «эффектом первого лица», который появляется у эвиденциальных показателей в разных языках: в сочетании с субъектами первого лица такие формы дают значение неосознанности действия [Aikhenvald 2004: 220–223]. Такой эффект отмечен, например, в другом памирском языке — сарыкольском [Kim 2017: 323]. Так же и в шугнанском форма перфекта с субъектами первого лица интерпретируется обычно как действие, о совершении которого говорящий не помнит и узнает только в момент речи (11). Один из носителей также предположил, что с перфектом предложение (6) будет означать ‘Я **якобы** разбил окно’ (см. такие же употребления эвиденциального перфекта в турецком [Lewis 2000: 101]). На самом деле лицо субъекта не влияет на использование претерита и перфекта — обе формы возможны со всеми лицами.

- (11) *Uz=um biyor noš dūnj-en virux-č...*
 PRON.1SG=1SG вчера абрикос семя-PL ломать-PF
 ‘[Старик говорит: — Оказывается,] я **размельчил** абрикосовые косточки еще вчера... [Но я не помню этого!]]’

Несколько раз носители предлагали другие объяснения различия семантики двух форм: например, перфект якобы подчеркивает неуверенность говорящего в том, что событие имело место. Проблема взаимоотношения эвиденциальности и эпистемической модальности (выражения сомнения) давно является предметом дискуссий. Так, например, В. Фридман предлагал считать «неконформативность», то есть сомнение, основным значением

⁶ Здесь и далее примеры без указания источника получены от носителей путем эликации.

эвиденциальных перфектов в языках Балкан и Кавказа [Friedman 1979; 2003]. Вполне естественно, что незасвидетельствованные события вызывают большее сомнение, так как прямое наблюдение или участие являются более надежными источниками информации, — но это не означает, что сомнение является одним из значений категории [Arslan 2020: 3]. Для шугнанского перфекта не удалось найти контексты, которые можно было бы объяснить эпистемической модальностью и нельзя — эвиденциальностью. Вместе с тем, в некоторых контекстах носители предлагали интерпретации, которые необязательно коррелируют с эвиденциальностью напрямую. Обсуждая пример (8), одна консультантка пояснила, что претерит может использоваться, если мать абсолютно уверена в том, что сын разбил окно, или ожидала, что это произойдет⁷, — впрочем, не все носители поддерживают такие суждения. По-видимому, эпистемическая модальность может быть дискурсивным эффектом шугнанского перфекта.

Третий альтернативный критерий, упомянутый носителями, — удаленность события во времени. Некоторые утверждали, что перфект используется для более давних событий. Это объясняется экспериенциальными контекстами, которые выражают опыт, имевший место в неопределенном прошлом, а не конкретное событие (см. подраздел 3.2), а также контекстами, в которых удаленность во времени коррелирует с эвиденциальностью (то, что было раньше, совпадает с тем, что говорящий не видел). Например, при обсуждении предложения (12) двое носителей предложили такое объяснение: форма перфекта *tīc* использовалась бы, если бы подруга ушла еще до того, как пришел говорящий. Очевидно, такой контекст отличается от изначального стимула в примере (12) не только удаленностью во времени, но и эвиденциальным статусом: говорящий не видел, как она уходила, так как пришел позже.

- (12) *Yā az māš xez-and toy-d / #tī-c <...>*
 D3.FSG EL PRON.1PL APUD-LOC ИДТИ.F/PL-PST / ИДТИ-PF.F/PL

‘[Я сижу и разговариваю с друзьями и подругами. Одна из них неожиданно уходит. Я говорю:] Она от нас **ушла**, <даже не попрощавшись>’.

3.2. Экспериенциальность

Перфект также используется в экспериенциальных контекстах (13)–(14), то есть выражает наличие или отсутствие опыта в прошлом без привязки к конкретному событию. В примере (13) один из носителей отметил, что форма претерита использовалась бы в том случае, «если кто-то дал мне Библию и через некоторое время спросил, прочел ли я ее». В экспериенциальных контекстах эвиденциальный статус события, по-видимому, не влияет на выбор формы⁸.

- (13) *Uz=um Bībliyā #xēy-d / xēy-ĵ.*
 PRON.1SG=1SG Библия читать-PST / читать-PF

‘[Ты когда-нибудь читал Библию? — Да.] Я **читал** Библию’.

- (14) *Uz=um açaθ vino na-birox-č.*
 PRON.1SG=1SG совсем вино NEG-пить-PF

‘Я **никогда не пил(а)** вина’.

⁷ Похожие употребления есть в турецком, где прямая эвиденциальная форма может быть использована в контекстах незасвидетельствованности, чтобы подчеркнуть «ожидаемые новости» [Arslan 2020: 13].

⁸ Непонятно, могут ли вообще экспериенциальные употребления различаться по эвиденциальности, что также было подчеркнуто одним из редакторов выпуска.

Экспериенциальное значение широко распространено у перфектов в разных языках, но оно совсем не обязательно выражается перфектом. К примеру, в родственном сарыкольском языке это значение выражается конструкцией со вторичным причастием на *-endz* [Palmer 2016: 91], которое соответствует шугнанскому результативному причастию на *-in* [Эдельман 1975: 371].

3.3. Результативность и стативность

Во многих языках с «эвиденциальными перфектами» исследователи выделяют у этих форм результативное значение, однако смысл этого ярлыка и распределение между эвиденциальной и традиционной неэвиденциальной интерпретациями зачастую неясны. В некотором смысле результативность можно найти и в шугнанском перфекте. У нескольких шугнанских глаголов имеется два отличительных свойства: форма перфекта (а) дает интерпретацию состояния в настоящем времени и при этом (б) не маркирована по эвиденциальному статусу. На настоящий момент таких глаголов известно четыре: *ǰofc* : *ǰovd* ‘лежать, спать, ложиться’, *niθ* : *nūst* ‘сидеть, ждать, садиться’, *wirāfc* : *wirūvd* ‘стоять, вставать’ и *piniz* : *pinūyd* ‘носить, надевать’.

- (15) *Uz=um* *astanofka-yand* *yal* *nīs-c*.
 PRON.1SG=1SG остановка-LOC еще сидеть-PF.F/PL
 ‘[Ты где?] Я **сиду** на остановке’⁹.

Существование отдельного класса глаголов со значением состояния отмечено во многих языках с эвиденциальным перфектом. Такие глаголы известны в других памирских языках — как минимум в рушанском [Файзов 1966: 112], сарыкольском [Palmer 2016: 92] и язгулямском [Эдельман 1966: 57], — как и шире в иранских [Jügel 2020: 292–293] (например, в таджикском [Perry 2005: 221–223]), а также в языках Дагестана [Tatevosov 2001: 450; Verhees 2019: 70] и многих других. Несмотря на то, что такие употребления часто называют «результативными», я предлагаю называть их скорее «стативными», так как они, видимо, могут обозначать и состояния, не являющиеся результатом действия (в духе «статального перфекта» Ю. С. Маслова [1983: 42]). Форма претерита у таких глаголов может выражать не только значение состояния в прошедшем, но и инцептивное значение («пошла спать», «надела», «села»).

Интересно взаимодействие «результативного» и «эвиденциального» значений: например, в багвалинском существуют глаголы, для которых возможна только одна из двух интерпретаций, а есть такие, для которых возможны обе [Tatevosov 2007: 355–357]. В шугнанском проблема наличия эвиденциального значения у «стативно-перфектных» глаголов требует дальнейшего изучения. По умолчанию носители переводят перфектную форму таких глаголов на русский выражениями со стативным значением и референцией к настоящему времени. При этом при просьбе перевести на шугнанский контекст в прошедшем времени с непрямым эвиденциальным статусом наблюдается вариативность в выборе формы. Некоторые носители разрешают, а другие запрещают употребление претерита и перфекта в таких случаях. Однозначно допустимой в этой ситуации считается конструкция с результативным причастием и формой перфекта глагола «быть»:

- (16) *Ar* *čāy* *ca* *maṁ* *stūl-ak-ti* *nīs-č-in* *vuδ-ǰ* /
 каждый кто SUBD ДЛ.1.FSG.O стул-DIM-SUP сидеть-PF.M-PTCPL быть-PF.M /

⁹ Данное предложение со словом *yal* ‘еще’ получено как перевод стимула, в котором русского слова «еще» не было.

[?]*nūs-č* / [?]*nūs-t*.
сидеть-PP.FM / сидеть-М-РСТ

‘[Когда я уходил, стул был очень пыльный, но сейчас на нем нет ни пылинки. Я говорю:] Кто-то **сидел** на этом стуле [пока меня не было]’.

Эти «стативные перфекты» не просто реферируют к моменту речи, они практически грамматикализовались как форма настоящего времени для соответствующих глагольных лексем. В то время как у остальных глаголов форма презенса может выражать актуальное событие, хабиуталис или событие в будущем, у «стативно-перфектных» глаголов перфект вытеснил презенс из значения актуального события (17), оставив ему только хабиутальную (18) и футуральную (19а) семантику. Например, хотя на стимул из примера (19) некоторые носители выдавали форму презенса, затем оказывалось, что на самом деле такая форма будет интерпретироваться с референцией к ближайшему будущему и, соответственно, такие предложения чаще всего считали неграмматичными без частицы *=ta*, которая обычно маркирует будущее время (19б). В этом смысле глагол *čəf* : *čəvd* ‘лежать, спать, ложиться’ отличается от других трех вариативностью: некоторые опрошенные носители разрешали актуальную интерпретацию в презенсе, другие запрещали. Для других глаголов все консультанты единогласно выбирали перфект.

- (17) *Ku mā-raq, uz=um čəv-č!* / [?]*uz čəf-um!*
EMPH PRON-трогать PRON.1SG=1SG спать-PP.F/PL / PRON.1SG спать-NPST.1SG
‘Не мешай мне, я **сплю!**’

- (18) *Tu xurd lap bašānd čəf-i čāb.*
PRON.2SG оказывается очень хорошо спать-NPST.2SG ночь
‘Ты, оказывается, очень крепко **спишь** по ночам’.

- (19) а. *Uz=um mam astanofka-yand wirčv-č.*
PRON.1SG=1SG D1.F.SG.O остановка-LOC стоять-PP.F/PL
‘[Я ищу тебя, ты где?] Я **стою** на остановке’.

- б. *Uz=ta / *uz mam astanofka-yand wirčf-um.*
PRON.1SG=IRR / PRON.1SG D1.F.SG.O остановка-LOC стоять-NPST.1SG
‘[Я ищу тебя, ты где?] Я (буду) на остановке [= ты найдешь меня там]’.

В шугнанском языке можно также найти лексикализованные стативные перфекты. Ярким примером является глагол *čəwč* ‘любить, хотеть’. Он описан в словаре Карамшоева [1988] как «недостаточный»: указывается, что он утратил все формы, кроме перфекта (20а), который обозначает состояние в настоящем времени. Состояние в прошедшем, как пишет Карамшоев, выражается формой плюсквамперфекта *čəwčat*. В современном хорогском шугнанском, однако, форма *čəwčat* вышла из употребления, а прошедшее время выражается сложным глаголом *čəwč kin* : *čəwč čūd*¹⁰ (20б).

- (20) а. *Uz=um Saīda čəwč.*
PRON.1SG=1SG Саида любить
‘Я **люблю** Саиду’.

- б. *Doyim=um uz Saīda lap [čəwč čū-d]=at, šič nāy.*
раньше=1SG PRON.1SG Саида очень любить делать-PST=COORD2 сейчас нет
‘Раньше я очень **любил** Саиду, а теперь нет’.

¹⁰ Впрочем, та же семантика может выражаться формой претерита глагола ‘быть’ — с ней конструкция буквально означает ‘был(а) влюблен(а)’, например: *Uz=um čəwč vu-d* (PRON.1SG=1SG любить быть-М-РСТ) ‘Я был влюблен’.

В. П. Недялков и С. Е. Яхонтов [1983: 12] предложили в качестве одного из критериев разграничения граммем результата и перфекта тест на сочетаемость с наречиями со значением ‘все еще’ / ‘еще не’. Предполагается, что в языке, где есть и результатив, и перфект, результатив будет сочетаться с таким наречием, а перфект нет. В шугнанском языке функцию такого наречия выполняет многофункциональная частица *yāl*, которая свободно сочетается как с перфектом (21), так и с результативным причастием. Таким образом, этот тест для шугнанского не применим. Более того, частица *yāl*, по-видимому, вообще очень часто употребляется с перфектом (особенно экспериенциальным или стативным). Ее значение и ее связь с семантикой перфекта еще только предстоит изучить. В примере (21) один из носителей разрешил употребление и претерита, и перфекта, но употребление перфекта оказывалось невозможным без *yāl* (с лимитативным суффиксом *-ec*, также требующим отдельного исследования):

- (21) *Mu* *pus* **(yāl-ec)* *mis* *yulā* *na-suḍ-ĵ*.
 PRON.1SG.O сын еще-LIM2 уже большой NEG-стать-PF.M
 ‘Мой сын так и **не стал** взрослым. [Он не умеет брать на себя ответственность.]’

3.4. Форма перфекта глагола ‘быть’

Форма перфекта одного шугнанского глагола отличается от других по ряду семантических свойств — это глагол *vi* : *vud* ‘быть’. Его формы перфекта *viḍĵ* / *vic* могут иметь значение не прямой эвиденциальности и миративности и реферировать к настоящему времени. Это свойство глагола *vi* : *vud* отмечено в соответствующей статье словаря Карамшоева [1988] и сохраняется в современном языке. В грамматических описаниях шугнанского это явление, по-видимому, не упоминается, но отмечено для близкородственного бартангского языка в грамматике [Карамхудоев 1973: 170]. Пример из этой грамматики, использующий глагол бытия в форме перфекта (22), современные носители шугнанского переводят с аналогичной формой (23).

- (22) БАРТАНГСКИЙ [Карамхудоев 1973: 170]
Tā *yulā* *virod* *bašānd* *odam* *vu-ĵ* {...}.
 PRON.2SG.O большой брат хороший человек быть-PF.M
 ‘Оказывается, твой старший брат хороший человек, (а ты плохой)’.

- (23) ШУГНАНСКИЙ (элицитация, стимул взят из [Карамхудоев 1973: 170])
Tu *yulā* *virod* *bašānd* *viḍ-ĵ*, *tu=t* *gandā*.
 PRON.2SG большой брат хороший быть-PF.M PRON.2SG=2SG плохой
 ‘Оказывается, твой старший брат хороший, а ты плохой’.

Существенно, что в примерах (22) и (23) инферентивная семантика вводного слова *оказывается* не имеет лексического выражения и выражается исключительно перфектной формой глагола *vi* : *vud* ‘быть’. При опущении этого глагола примеры (22)–(23) означали бы простую констатацию факта. Такая ситуация невозможна с другими глаголами. К примеру, при переводе похожего стимула (24), который требует глагола *fām* : *fāmt* ‘знать, понимать’, для выражения инферентивности требуется частица *xurd* ‘оказывается’, а глагол стоит в презенсе, а не в перфекте:

- (24) *Tu* *xurd* *lap* *ar* *čīz=aθ* *fām-i!*
 PRON.2SG оказывается очень каждый что=INT1 знать-NPST.2SG
 ‘Оказывается, ты очень много всего **знаешь!**’

Вместе с тем, перфектная форма *viḍĵ* / *vic* может употребляться и как обычный глагол — в контекстах с непрямым эвиденциальным статусом и референцией к прошлому.

Это показывают различные контексты, в которых состояние явным образом прекратилось до момента речи, как в примере (25), где говорящий рассказывает про своих родственников:

- (25) *Bob Šoftur mualim vid-ŋ.*
 дед Шофтур учитель быть-РФ.М
 ‘Дед Шофтур **был** учителем’. [Текст «Old parties»¹¹, 62]

Важно, что употребления глагола бытия типа (23) не просто реферируют к настоящему времени, они могут отсылать к событиям, которые говорящий непосредственно наблюдает, — на первый взгляд, их уже нельзя назвать эвиденциальными. Для анализа таких употреблений часто используют понятие миративности или адмиративности¹². **Миративность** — грамматическая категория, выражающая удивление говорящего от сообщаемого им высказывания, новизну и неожиданность информации для самого говорящего [DeLancey 2001]. В описании перфекта в багвалинском, где у глагола бытия имеется такое же свойство, С. Г. Татевосов [2007: 380] отмечает, что «большинство примеров на адмиративное значение, которые обычно приводятся в литературе, — это адмиратив в контексте глагола в настоящем времени и/или стативного глагола, в особенности глаголов ‘быть’ или ‘иметь’» — то есть контексты типа (23). При этом существование миративности как отдельной категории, отличной от эвиденциальности, является дискуссионным вопросом (см. обсуждение в [Lazard 1999; Hill 2012; DeLancey 2012]).

Некоторые формы, которые описывались в литературе как эвиденциальные, могут использоваться в контекстах, которые как будто предполагают прямое наблюдение говорящего, — что и привело к предложению выделить категорию миративности. К примеру, турецкий перфект может быть употреблен в предложении типа (26). Считается, что такие контексты уже не имеют непрямого эвиденциального статуса, поэтому для их анализа часто прибегают к таким концепциям, как «[ад]миративность» или «медиативность» (см. [Lazard 1999]). Эти концепции предполагают, что адмиративная / медиативная форма указывает не на тип источника информации, а подчеркивает само наличие такого источника (медиатора): наблюдение, умозаключение или пересказ с чужих слов.

- (26) Турецкий [Slobin, Aksu 1982: 197]
Kız-ınız çok iyi piyano çal-ıyor-muş.
 дочь-2SG очень хорошо фортепиано играть-PRS-PF
 ‘[Как я вижу,] ваша дочь отлично **играет** на фортепиано!’ (Произнесено после того, как говорящий наблюдал за ее игрой.)

Употребления глагола ‘быть’ в перфекте для выражения миративности в настоящем засвидетельствованы в других памирских языках — в сарыкольском (27) и ваханском (28).

- (27) Сарыкольский [Palmer 2016: 94]
Tudzik ɣalg-ɣejl=af ytc byland vɛðdz.
 таджик человек-PL.NOM=3PL.PFV очень высокий быть.PF.М
 ‘Таджики, **оказывается**, очень высокие!’

- (28) Ваханский [Bashir 2006: 36]
Yem=i trešp cuan tuetk.
 этот=3SG кислый абрикос быть.PF.М
 ‘Этот абрикос, **оказывается**, кислый’.

В сарыкольском аналогичная форма развила и другие функции. Она используется в специальной аналитической конструкции для выражения эвиденциальности

¹¹ Названия текстов из шугнанского корпуса приводятся в соответствии с именованиями в корпусе.

¹² См. обсуждение понятий ‘миративность’ и ‘адмиративность’ в [Friedman 2003: 192].

у незавершенных событий и состояний, которая по сути стала имперфективным аналогом эвиденциального перфекта [Palmer 2016: 94–95]. Кроме того, в сарыкольском и ваханском языках форма перфекта глагола ‘быть’ может присоединяться к концу клаузы, в которой уже есть форма перфекта другого глагола. Д. Ким [Kim 2017: 323] сообщает, что в сарыкольском вспомогательный глагол ‘быть’ в таких случаях опционален. Э. Башир [Bashir 2006: 35–36] пишет, что в ваханском добавление ‘быть’ к другой перфектной форме дает не просто эвиденциальное, а миративное значение (впрочем, из переводов примеров не вполне ясно, что она имеет в виду под миративностью). Эту особенность ваханский, вероятно, перенял у своих южных соседей — дардских языков, таких как калашский и хховар, в которых эвиденциальность и миративность выражаются добавлением особой формы вспомогательного глагола к клаузе [Bashir 2006; 2010].

Вообще же употребление перфекта вспомогательных глаголов с референцией к настоящему времени имеет место и в других языках с эвиденциальными перфектами. К примеру, в таджикском глаголы *будан* ‘быть’ и *доштан* ‘иметь’ могут выражать события, происходящие в настоящем [Perry 2000: 236; 2005: 228–229; Nilsson 2022: 87–90]:

(29) ВАРЗОБСКИЙ ТАДЖИКСКИЙ [Perry 2000: 235]

Пул=ам на-буда=й.
 деньги=1SG NEG-быть.PF=COP.3SG
 ‘[Ой,] у меня **нет** денег’.

Я предлагаю рассмотреть несколько иную интерпретацию контекстов типа (23) и (26)–(29), в которых употребление перфектов традиционно объясняется «миративностью» или «медиагитивностью». Такие контексты сообщают о ситуации, которая не просто имеет место в настоящем, но началась некоторое время назад, в прошлом. Предложения (23), (26)–(28) сообщают о длительных состояниях-свойствах (‘быть плохим’, ‘хорошо играть на фортепиано’ и т. д.), которые, очевидно, имели место и в прошлом. Например, при анализе высказывания (26) обычно считается, что речь идет о наблюдаемом в момент речи действии (‘играет на фортепиано’), но на самом деле говорящий сообщает о хабитуальном состоянии (‘умеет играть’), о котором он узнает, делая вывод на основании текущего наблюдения. В предложении (29) состояние более кратковременное, но оно также начинается в прошлом — например, в момент, когда говорящий, выходя из дома, должен был взять кошелек, но забыл это сделать. Таким образом, употребления предикатов состояния в перфекте с референцией к настоящему времени могут объясняться инферентивным значением. Шугнанские данные подтверждают корректность такого анализа:

(30) *Tu=t aʃab zīrd (*viδ-ʃ)!*
 PRON.2SG=2SG такой яркий быть-PP.M

[Муж был брюнетом, но вдруг покрасился в рыжий цвет, не сообщив об этом жене. Увидев его, она с удивлением восклицает:] ‘Какой ты рыжий!’

Пример (30) сконструирован так, чтобы описываемое состояние было очевидно новым — здесь жена знает, что раньше у мужа был определенный цвет волос, и не предполагала, что в течение некоторого времени в прошлом он был другой. Использование глагола бытия в форме перфекта в таком случае запрещается. Интересно, что и русское слово *оказывается* с трудом получается вставить в такой контекст. Как и шугнанский перфект, оно отсылает не просто к новой для говорящего информации, а к информации, которая является новостью для говорящего, но сама по себе не является новой.

Такой подход позволяет не применять понятие «миратив» по отношению к рассмотренным употреблениям шугнанского глагола бытия, а вместо этого анализировать их как частный случай инферентивного значения. Вместе с тем, форма перфекта глагола ‘быть’ может быть на пути грамматикализации в полноценный миративный показатель. В ваханском и сарыкольском аналогичная форма, по-видимому, грамматикализовалась в большей степени. На мой взгляд, анализ миративности как эвиденциальности, «протяженной»

из прошлого в настоящее, может быть полезным и для других языков, в которых форма перфекта от ‘быть’ или других глаголов состояния ведет себя похожим образом.

3.5. Модальные употребления перфекта

Шугнанский перфект может иметь модальную семантику. В частности, он часто употребляется в обеих частях условных предложений с контрфактическим условием (31). Возможно употребление перфекта только в одной из клауз (или в условной, или в матричной), но такие случаи требуют отдельного изучения. Также перфект может употребляться в значении пожелания (32) [Edelman, Dodykhudoeva 2009: 813–814; Parker 2023: 364]. Карамшоев [1963: 162] упоминает, что иногда перфект может реферировать к событиям в настоящем и будущем, но примеры, которые он приводит, достаточно неоднородны и, по-видимому, объясняются разными факторами. Вероятно, многие такие употребления стоит отнести к модальным (33).

- (31) *Mu-nd* *šič-ard* *lap* *sūm* *ca* *vud-ǰ*,
 PRON.1SG.O-LOC сейчас-LAT очень деньги SUBD быть-PF.M
uz=um *xu-rd* *mošin* *zoǰ-č*.
 PRON.1SG=1SG REFL-LAT машина взять-PF

‘Если бы у меня **было** много денег [сейчас], я бы **купил** себе машину’.

- (32) *Tu* *daδ* *dis.na* *markāb-en* *zoǰ-č* *xu*,
 PRON.2SG лучше бы осел-PL взять-PF COORD1
wi *kaǰt* *tǰž-ǰ*.
 D3.M.SG.O зерно тянуть-PF

‘Ты **взял** бы ослов да и **привез** бы зерно’. [Карамшоев 1963: 162]

- (33) ⟨...⟩ *digā=m* *tu-rd* *δod-ǰ*.
 другой=1SG PRON.2SG-LAT дать-PF

‘⟨Когда разделим, я возьму себе лишь одно, а) остальное **отдам** тебе’>. [Карамшоев 1963: 162]

3.6. Использование перфекта в нарративах

Традиционно считается, что перфекты не могут использоваться как нарративное время, то есть для обозначения последовательных событий в повествовании [Dahl 1985: 138; Lindstedt 2000: 366]. Вместо этого в нарративах им обычно отводится роль «фоновых» употреблений: они обозначают события, происходящие вне основного сюжета — например, до его начала [Bybee et al. 1994: 62]. Однако для языков с эвиденциальными перфектами это ограничение, по-видимому, не так строго: выбор нарративного времени в них может зависеть от эвиденциального статуса рассказа. Так, в рассказах о давних исторических событиях, а также сказках или анекдотах в некоторых языках перфекты могут использоваться как основная глагольная форма для повествования [Dahl 1985: 151–152; Lazard 1999: 99].

Детальное исследование выбора видо-временных форм в шугнанских нарративах еще только предстоит провести, но уже можно сделать некоторые предварительные выводы на основании анализа текстов из корпуса, который включает в себя в основном фольклорные тексты и фрагменты перевода Евангелия от Луки. Основным нарративным временем является претерит, а перфект, как и ожидается, часто имеет «фоновые» функции. Также

как нарративное время может использоваться презенс — по-видимому, только в незавершённых историях. Похожая стратегия выбора нарративного времени, в которой презенс является «эвиденциальной» повествовательной формой, описана для ваханского [Obtrelová 2019: 53–63]. Выбор перфекта для каких-либо событий в нарративе обычно определяется эвиденциальностью и ее коррелятами (удаленностью во времени или новизной события). Дейктический центр обычно совпадает с протагонистами — время и эвиденциальный статус определяются с их точки зрения относительно текущего момента в сюжете. Встречаются и неэвиденциальные употребления перфекта — экспериенциальные и стативные:

- (34) <...> *Wi Mābad-and virū-d. Yu oxūn-en darūn*
 D3.M.SG.O храм-LOC находить-PST D3.M.SG учитель-PL внутри
nūs-č atā niyūy-d wev=at peḥs-t.
 сидеть-PF.M ADVS слушать-NPST.3SG D3.PL.O=COORD2 спрашивать-NPST.3SG
 ‘<Через три дня> нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их’ (буквально: ‘Его в храме нашли. Он среди учителей **сидит**, и слушает их, и спрашивает’) (Лк. 2:46).

Перфект может использоваться во вводной части нарратива, чтобы описать положение дел до начала сюжета. Существует специальная дискурсивная формула *viḍ-ḡ na-viḍ-ḡ* [быть-PF.M NEG-быть-PF.M] ‘было, не было’ которая часто служит зачином сказочного сюжета (35). Аналогичные конструкции ‘было, не было’, использующие формы перфекта, есть в сарыколомском [Palmer 2016: 98] и ваханском [Obtrelová 2017: 29], а также во многих языках Кавказа [Майсак 2016: 341]. Как только начинается повествование, перфект сменяется нарративным временем (обычно претеритом).

- (35) *Vuḍḡ_[PF] navuḍḡ_[PF] yi potḡo vuḍḡ_[PF]. Wind=en xoḡ ḡin vic_[PF]. As defand yi nutfā mis wind navuḍḡ_[PF]. Potḡo=yi xoḡḡ čūḡḡ_[PF] wūvdum ḡin vīrt...*
 ‘Жил-был царь [буквально: **Было**_[PF], **не было**_[PF] — **был**_[PF] царь]. У него **было**_[PF] шесть жен. У него **не было**_[PF] от них детей. Царь **решил**_[PF] взять себе седьмую жену...’ [Сказка «The black-skinned servant», 1–4]

«Фоновые» употребления затем появляются уже внутри нарратива, дополняя сюжет необходимым контекстом или отсылая к событиям, произошедшим до текущего момента в сюжете. В этой функции может использоваться и претерит. По-видимому, претерит в таких случаях подчеркивает событийность (герои нарратива видели это событие / оно произошло ранее в нарративе), а перфект фокусируется на результате (событие произошло до начала нарратива). Выбор формы во многих случаях может зависеть от желания рассказчика акцентировать внимание на одном из этих аспектов. К примеру, отрывок (36) отсылает к оживлению оборотня, которое описывалось в тексте раньше, но внимание акцентируется на результате этого действия. Кроме того, возможно, использование перфекта связано с точкой зрения героя (юноши), который, как тут же и подчеркивается, не знал об этом:

- (36) *...Ba kūtoyi muxtasar anjāvām, yā wi yidā nān lozaki sat_[PST], amo yu yidā as xu nān kor bexabar, nawzent_[PST] didi wi žindūrvak=i wi nān zindā čūḡḡ_[PF].*
 ‘Короче говоря, мать этого юноши **забеременела**_[PST], но юноша о делах своей матери понятия не имел и не **знал**_[PST], что она оборотня **оживила**_[PF]’. [Текст «White mountain goat», 69]

Пример (37) хорошо демонстрирует, как эвиденциальность влияет на выбор формы. Шугнанский текст здесь явно указывает, как события соотносятся друг с другом: женщина не видела, как ребенок заплакал, она вошла в тот момент, когда старший сын уже держал его на руках — перфект используется для описания событий, которые произошли в ее отсутствие.

- (37) *Xêr, yilāv yām ŷinik tar mi žindūrvak xez nost_[PST] xu sat_[PST] tar čīd, didi yu wiḡtak=i yilāv nīwǵ_[PF] xu, yu yulā puc mis suǵ_[PF] agā xu, wi wiḡtak=i zoḡḡ_[PF] xu pi batatā, naql wi qatīr kixt_[NPST].*
 ‘Она немного **посидела**_[PST] с оборотнем и потом **пошла**_[PST] в свою комнату, а там [как оказалось] ребенок **плакал**_[PF], и ее старший сын **проснулся**_[PF] и **взял**_[PF] ребенка на руки и [теперь] **разговаривает**_[NPST] с ним’. [Текст «White mountain goat», 119]

В некоторых случаях перфект, видимо, подчеркивает неожиданность и/или неконтролируемость события. В примере (38) событие ‘увидела’ находится в нарративе и выражается претеритом, а ‘влюбилась’ выражается перфектом и будто бы выпадает из нарратива, так как является неожиданным для героини, неконтролируемым результатом предыдущего события.

- (38) *Yā poḡxo noziyūn ŷin=i wi wīnt_[PST] xu, ošiq wi-ti sic_[PF].*
 ‘Любимая жена царя **увидела**_[PST] его [слугу] и **влюбилась**_[PF] в него’. [Сказка «The black-skinned servant», 9]

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: у большинства глаголов форма перфекта используется для выражения (а) незасвидетельствованных событий в прошлом, (б) экспериенциальной семантики и (в) модальной семантики (контрфактивность и пожелание). Существенно, что претерит выражает прямое свидетельство и в этом противопоставлен перфекту. У ограниченного числа глаголов, которые я здесь называю «стативно-перфектными», перфект обозначает актуальные состояния в настоящем, в то время как презенс обозначает хабитуальные состояния и состояния в будущем. Вопрос выражения экспериенциальной и ирреальной семантики у таких глаголов требует дальнейшего изучения. Условно к похожим на стативно-перфектные глаголы можно отнести застывшие формы перфекта типа *žīwǵ* ‘любить’. Перфектная форма глагола ‘быть’ *viǵǵ/vic* может употребляться с референцией к настоящему времени. Такие употребления глагола бытия часто считают «миративными», но я предлагаю анализировать их как инферентивные. В нарративах перфект используется не как нарративное время, а в «фоновой» функции.

В общем шугнанский перфект можно охарактеризовать как «неопределенное прошедшее» (формулировка предложена носительницей). Он используется для событий, которые говорящий не наблюдал, для выражения абстрактного опыта (экспериенциальность) или абстрактного состояния (форма перфекта глагола ‘быть’) — в противовес претериту, употребляемому для описания конкретных событий, которые говорящий видел. Стативные перфекты являются отклонениями от этого описания. По-видимому, их стоит считать итогом альтернативного развития семантики бывшего результативного причастия. В то время как у других глаголов оно развилось в эвиденциальную форму, у «стативно-перфектных» глаголов оно стало выражать стативность.

С типологической точки зрения шугнанский перфект — «эвиденциальный перфект» (также «перфектоид» [Плунгян 2016: 14–15] или «эвиденциальная стратегия» [Aikhenvald 2004: 276]). Это не позволяет четко встроить его в традиционную типологию перфектов, которая не включает в себя эвиденциальность. К примеру, неясно, относится ли шугнанский перфект к межъязыковой категории перфекта по [Dahl, Velupillai 2013], где одним из критериев является наличие значения результата, но не сообщается о случаях, когда это значение выражается перфектом только у незасвидетельствованных событий. Что касается типологии эвиденциальных систем, шугнанский язык имеет систему типа A1

по классификации [Aikhenvald 2004]. Системы A1 различают два значения эвиденциальности: прямое и не прямое. По семантике перфекта и по географическому расположению шугнанский однозначно принадлежит к Большому эвиденциальному поясу. Многие семантические свойства шугнанского перфекта типичны для языков этого ареала (и особенно для памирского ареала) — в частности, значение не прямой эвиденциальности у большинства глаголов и «миративные» употребления глагола бытия. При этом он выделяется тем, что, вероятно, достаточно далеко продвинулся на пути грамматикализации в эвиденциальную форму. Это можно проследить и в его морфологической структуре (синтетическая форма, не использующая связку), и в семантике (небольшой, четко выделенный класс стативно-перфектных глаголов — реликтов).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
 APUD — апудэссив
 COORD1, COORD2 — сочинительные союзы
 COP — копула (в таджикском)
 D1, D2, D3 — демонстративы трех серий ('около говорящего', 'около собеседника', 'вдали от обоих')
 DIM — диминутив
 EL — элатив
 EMPH — эмфатическая частица
 EQ — латив-экуватив
 F — женский род
 INT1, INT2 — интенсификаторы
 IRR — ирреальная частица
 LAT — латив
 LIM1, LIM2 — лимитативы
 LOC — локатив
 M — мужской род
 NEG — отрицание
 NOM — именительный падеж (в сарыкольском)
 NPST — презенс (настояще-будущее)
 O — косвенный падеж у местоимений
 PF — перфект
 PFV — перфектив (в сарыкольском)
 PL — множественное число
 PQP — плюсквамперфект
 PRON — прохибитив
 PRON — личное местоимение
 PRS — презенс (в турецком)
 PST — претерит
 PTCP1 — результативное причастие
 PTCP2 — пассивное причастие
 REFL — рефлексив
 SG — единственное число
 SUBD — подчинительный союз
 SUP — суперэссив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бахтибеков 1979 — Бахтибеков Т. *Грамматикаи забони шугнонӣ*. Душанбе: Наука, 1979. [Bakhtibekov T. *Grammatikai zaboni shughnoni* [Grammar of Shughni]. Dushanbe: Nauka, 1979.]

- Додыхудоева 1988 — Додыхудоева Л. Р. *Шугнанский глагол в историческом освещении*. Душанбе: Дониш, 1988. [Dodykhudoeva L. R. *Shugnanskii glagol v istoricheskom osveshchenii* [Shughni verb in historical perspective]. Dushanbe: Donish, 1988.]
- Карамхудоев 1973 — Карамхудоев Н. *Бартангский язык: фонетика и морфология*. Душанбе: Дониш, 1973. [Karamkhudoev N. *Bartanskii yazyk: fonetika i morfologiya* [Bartangi language: Phonetics and morphology]. Dushanbe: Donish, 1973.]
- Карамшоев 1963 — Карамшоев Д. *Баджувский диалект шугнанского языка*. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963. [Karamshoev D. *Badzhuvskii dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuvi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of the Tajik SSR, 1963.]
- Карамшоев 1988 — Карамшоев Д. К. *Шугнанско-русский словарь в трех томах*. Т. 1. М.: Наука, 1988. [Karamshoev D. K. *Shugnansko-russkii slovar' v trekh tomakh* [Shughni–Russian dictionary in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988.]
- Майсак 2016 — Майсак Т. А. Перфект и Аорист в ниджском диалекте удинского языка. [Maisak T. A. Perfect and Aorist in the Nizh dialect of Udi.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 315–378.
- Маслов 1983 — Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид. *Типология результативных конструкций*. Недялков В. П. (ред.). Л.: Наука, 1983, 41–53. [Maslov Yu. S. Resultative, perfect, and verbal aspect. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 41–53.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций. *Типология результативных конструкций*. Недялков В. П. (ред.). Л.: Наука, 1983, 5–40. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. Typology of resultative constructions. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 5–40.]
- Пахалина 1969 — Пахалина Т. Н. *Памирские языки*. М.: Наука, 1969. [Pakhalina T. N. *Pamirskie yazyki* [Pamiri languages]. Moscow: Nauka, 1969.]
- Пахалина 1989 — Пахалина Т. Н. *Сравнительно-историческая морфология памирских языков*. М.: Наука, 1989. [Pakhalina T. N. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya pamirskikh yazykov* [Comparative morphology of Pamiri languages]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Плунгян 2016 — Плунгян В. П. К типологии перфекта в языках мира: предисловие. [Plungian V. P. Towards the typology of perfect in the world's languages: An introduction.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, 2: 7–36.
- Татевосов 2007 — Татевосов С. Г. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 351–397. [Tatevosov S. G. Evidentiality and admirative in Bagvalal. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati N. A. Kozintsevoi*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 351–397.]
- Файзов 1966 — Файзов М. *Язык рушанцев Советского Памира*. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1966. [Faizov M. *Yazyk rushantsev Sovetskogo Pamira* [Language of the Rushani people of the Soviet Pamir]. Dushanbe: Academy of Sciences of the Tajik SSR, 1966.]
- Чистякова 2022 — Чистякова Д. Г. Синтаксические и семантические свойства клитики *i* в шугнанском языке. [Chistiakova D. G. Syntactic and semantic features of the *i* clitic in Shughni.] *Вестник РГГУ* [Vestnik RGGU], 2022, 5: 67–91.
- Эдельман 1966 — Эдельман Д. И. *Язгулямский язык*. М.: Наука, 1966. [Edelman D. I. *Yazgulyamskii yazyk* [Yazghulami language]. Moscow: Nauka, 1966.]
- Эдельман 1975 — Эдельман Д. И. Категория времени и вида. *Опыт историко-типологического исследования иранских языков: Эволюция грамматических категорий*. Т. 2. Эдельман Д. И. (ред.). М.: Наука, 1975, 337–411. [Edelman D. I. Tense-aspect category. *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya iranskikh yazykov: Evolyutsiya grammaticheskikh kategorii*. Vol. 2. Edelman D. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1975, 337–411.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Arslan 2020 — Arslan S. When the owner of information is unsure: Epistemic uncertainty influences evidentiality processing in Turkish. *Lingua*, 2020, 247.
- Bashir 2006 — Bashir E. Evidentiality in South Asian languages. *Proc. of the LFG06 Conf., Workshop on South Asian Languages*, 2011: 30–50.
- Bashir 2010 — Bashir E. Traces of mirativity in Shina. *Himalayan Linguistics*, 2010, 9(2): 1–55.
- Bybee, Dahl 1989 — Bybee J., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*, 1989, 13(2): 51–103.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.

- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl, Velupillai 2013 — Dahl Ö., Velupillai V. The perfect. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). <https://wals.info/chapter/68>
- DeLancey 2001 — DeLancey S. The mirative and evidentiality. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(3): 369–382.
- DeLancey 2012 — DeLancey S. Still mirative after all these years. *Linguistic Typology*, 2012, 16(3): 529–564.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — Edelman D. I., Dodykhudoeva L. R. Shughni. *The Iranian languages*. Windfuhr G. (ed.). Oxon: Routledge, 2009, 787–824.
- Friedman 1979 — Friedman V. Toward a typology of status: Georgian and other non-Slavic languages of the Soviet Union. *The elements: A parasession on linguistic units and levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979, 339–350.
- Friedman 2003 — Friedman V. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian. *Studies in evidentiality*. Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003, 189–218.
- Hill 2012 — Hill N. W. “Mirativity” does not exist: *hdug* in “Lhasa” Tibetan and other suspects. *Linguistic Typology*, 2012, 16(3): 389–433.
- Jügel 2020 — Jügel T. The perfect in Middle and New Iranian languages. *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Crellin R., Jügel T. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020, 279–310.
- Kim 2017 — Kim D. *Topics in the syntax of Sarikoli*. Ph.D. diss. Leiden: Leiden Univ., 2017.
- Lazard 1999 — Lazard G. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology*, 1999, 3(1): 91–109.
- Lewis 2000 — Lewis G. L. *Turkish grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Lindstedt 2000 — Lindstedt J. The perfect — aspectual, temporal and evidential. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000, 365–384.
- Makarov et al. 2022 — Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital resources for the Shughni language. *Proc. of the EURALI Workshop LREC2020*. Marseille, 2022, 61–64.
- Nilsson 2022 — Nilsson A. *Evidentiality in Tajik*. Ph.D. diss. Uppsala: Uppsala Univ., 2022.
- Obrtelová 2017 — Obrtelová J. *Narrative structure of Wakhi oral stories*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2017.
- Obrtelová 2019 — Obrtelová J. *From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2019.
- Palmer 2016 — Palmer T. S. *Verbal morphology and grammatical aspect in Sarikoli*. MA Thesis, Univ. of North Dakota, 2016.
- Parker 2023 — Parker C. *A grammar of the Shughni language*. Ph.D. diss., McGill Univ., 2023.
- Perry 2000 — Perry J. Epistemic verb forms in Persian of Iran, Afghanistan and Tajikistan. *Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages*. Johanson L., Utas B. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2000, 229–258.
- Perry 2005 — Perry J. *A Tajik Persian reference grammar*. Leiden: Brill, 2005.
- Slobin, Aksu 1982 — Slobin D., Aksu A. Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential. *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Hopper P. J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1982, 185–200.
- Tatevosov 2001 — Tatevosov S. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the Perfect in Nakh-Dagesthanian languages. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(3): 443–464.
- Verhees 2019 — Verhees S. *Evidentiality as part of tense-aspect in East Caucasian languages*. Candidate diss. Moscow: Higher School of Economics, 2019.